

М.А. Русанова

ТРАДИЦИИ ПСАЛТИРИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ОДА Г.Р. ДЕРЖАВИНА (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВВОДНОГО УРОКА В 7-9 КЛАССАХ)

Тема, означенная заглавием, интересна, важна и многогранна. Настоящие материалы дают представление о разных ее аспектах. Они построены таким образом, что могут быть использованы как в комплексе, так и частями. А именно: для проведения 2-3 уроков повторения и обобщения русской литературы XVIII-XIX вв. в старших классах. Читатель найдет здесь анализ оды Г.Р. Державина «Властителем и судиям», стилистический разбор стихотворения одного из поэтов-романтиков пушкинской эпохи Ф.Н. Глинки, а подборка стихов и прозаических отрывков последнего раздела позволит учащимся лучше подготовиться к теме, часто встречающейся в экзаменационных билетах: «Поэт (имярек) о назначении поэта и поэзии». Кроме того, это и материал для проведения поэтического вечера.

1

Как возможен диалог разных культурных эпох и как находят поле для общения люди, творящие на разных культурных «языках»: романтики, классицисты, символисты... Наблюдать это всегда интересно, ведь по сути, проводя такие исследования, мы воочию видим, как живет культура, не прерывается традиция и как благодаря культуре живет и развивается человек.

Обратимся мы к русской поэзии, а темой нашего исследования будет восприятие и значение текста, с которого наши предки начинали свое учение и с которого, собственно, началась и русская книжная поэзия: текста одной из учительных книг Библии — Псалтири.

«Я думаю, что в словах этой книги измерена и объята вся жизнь человеческая, все состояния души, все движения мысли, так что в человеке

нельзя найти ничего более», — свт. Афанасий Великий¹.

Невозможно было бы не согласиться со словами свт. Афанасия Великого, даже если бы мы знали Псалтирь только по цитатам ее в произведениях Древней Руси: «Слове о Законе и Благодати», житии святых Бориса и Глеба, «Поучении» Владимира Мономаха и многим, многим другим. Исследователь традиции обращения к псалмам в русской литературе Л.Ф. Луцевич убеждена: духовная и поэтическая красота Псалтири так восхитила Древнюю Русь, что всю свою историю она внимала лишь одному поэту: Богдохновенному поэту, царю и пророку Божию Давиду. В древнерусской литературе, — пишет Л.Ф. Луцевич, — «псалтырные стихи осознавались живыми, т.е. эстетически, психологически, этически, динамически значимыми. Именно с ними, прежде всего, соотносимы основные функции художественной литературы».

Мария Александровна Русанова — аспирант Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

¹ Псалтирь // Библейская энциклопедия. М., 1991. С. 584-585.

Псалтырные стихи, насквозь пронизывая раннюю средневековую прозу, несли, по-видимому, заряд такой поэтической силы, являли столь мощную лирическую струю, что образованный средневековый писатель/читатель с достаточно сложной духовной организацией, даже будучи знаком с европейской стихотворной культурой, не испытывал дискомфорта от отсутствия в древнерусской книжности оригинальной лирической поэзии»².

Заметим в скобках, что влияние Псалтири на прозаическую художественную литературу — тема не менее интересная и важная, приведем хотя бы такие факты: «Проникновенно-интимные интонации ветхозаветных псалмов оказали решающее влияние на возникновение топики “исповеди” у Августина, которая через секуляризирующее опосредование легла в основу новоязыковой литературы в той ее линии, которая определяется стадиями сентиментализма (ср. “Исповедь” Ж.-Ж. Руссо), романтизма, экспрессионизма»³. «...Чеховская проза, не теряя объективности, через лирическую структуру повествования, возводит, подобно Псалтири, исповедь страдающей и страстно ищущей личности к общечеловеческому значению, сочетает глубину и тонкость психологического изображения героя с философским осмыслением мира»⁴. «Псалтирь дала своеобразный канон в толковании и изображении души ищущей, неуспокоенной, драматически напряженной, но при этом неизменно устремленной к идеалу и совершенству, к Богу. Естественно, что писатели переломных эпох, сами переживающие и изображающие духовные кризисы, оказываются во власти этой традиции, следуют ей и углубляют ее»⁵.

И именно традиция переложения Псалтири, так много дававшей для изображения внутреннего мира человека, стала связующим звеном между уходящими в прошлое традициями древнерусской книжности и становящейся литературой Нового времени. Первой печатной книгой стихотворений была «Псалтирь рифмотворная» — труд Симеона Полоцкого, переложившего псалмы силлабическими стихами и издавшего в Москве в 1680 г. Поэт надеялся, что его книжечка будет полезна тем, кто любит и дома воспевать псалмы. Чаяния автора оправдались: она пользовалась большой популярностью. Такой, что даже «по случаю попалася» в далеких Хол-

могорах юному Михайле Ломоносову, и тот, «читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться стихотворству»⁶. Желание это было весьма благотворно для русской литературы, но ведь вызвано оно было чтением текстов не собственно поэтических⁷! Едва ли автор переложения мог предвидеть, что его вирши так будут восприняты. Однако, хотя сам Симеон Полоцкий и говорил, что следует своим стихотворным переложением Псалтири древнейшим традициям — греческой и латинской — и «что же касается смысла, толкований или даже “украшений пиитических”, то <...> он строго держался “словес псалтырных и разума толкования приличного”»⁸, но в целом его опыт был лишним свидетельством начавшегося неумолимого процесса секуляризации русской литературы и культуры в целом. Впрочем, свидетельством сколь печальным, столь же и вселяющим надежду, ибо знаменовал собой вместе с отходом от традиции церковной также и одно из возможных путей продолжения духовной традиции в литературе светской.

Следующий литературный факт убеждает нас в этом. В 1743 г. три виднейших теоретика нового русского стихосложения — силлаботонического и нового художественного метода — классицизма — затеяли необычное состязание. Предстояло определить, какой из стихотворных размеров: ямба или хорей, лучше подходит для выражения высокой тематики. Инициатором состязания⁹ был В.К. Тредиаковский, он же предложил своим оппонентам А.П. Сумарокову и М.В. Ломоносову для решения спора написать духовную оду — переложить стихами, кто какими сочтет нужным, 143 псалом. Сумароков отстаивал хорей, Ломоносов — ямба, Тредиаковский же не отдавал предпочтение ни одному из них, но полагал, что эстетическая целостность стихотворения больше зависит от тематики. Он также написал свою оду хореем. Все три произведения были изданы под одной обложкой без указания имен авторов, с тем, чтобы читатели могли беспристрастно и компетентно выбрать победителя, стихам предпосылался первоисточник: 143 псалом на церковнославянском языке. В

⁶ Цит. по: Романов Б. Псалмопевец Давид и русская поэзия // Псалтирь в русской поэзии XVII–XIX вв. / Ред.-сост. Б.Н. Романов. М., 1995. С. 14–16.

⁷ Действительно, нельзя забывать о «специфической — двойственной — природе этого жанра. С одной стороны, стихотворное переложение — явление литературное, эстетическое, светское (...), с другой стороны, переложение псалма определяется содержанием и формой текста сакрального, входящего зачастую в состав богослужения и таким образом включающее начало божественное, собственно духовное» (Луцевич Л.Ф. Псалтирь в русской поэзии... С. 11).

⁸ Цит. по: Луцевич Л.Ф. Псалтирь в ранней книжности и литературе XVII века // Русская литература и христианство. Сб. четвертый. СПб., 2002. С. 58.

⁹ Как это доказывает в своей монографии Л.Ф. Луцевич.

² Луцевич Л.Ф. Псалтирь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 56–57.

³ Аверинцев С.С. Псалмы // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 65.

⁴ Жильцова Э.М. Последний псалом А.П. Чехова («Архирей») // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1994. С. 283.

⁵ Жильцова Э. М. Последний псалом... С. 274.

теоретическом споре победа осталась за Тредиаковским, но с художественных позиций выиграла ода Ломоносова. Сами поэты декларировали, что в задачу их входило точное следование «разуму» и стилю псалма, но читатели без труда замечали, что пафос стихов все же не церковный: Тредиаковский стремился, как он сам писал, «украсить» стиль оригинала — поэкспериментировать с лексикой и синтаксисом, слегка «выправить» логику развития тем оды исходя из законов риторики. Парафраз Сумарокова получился более философским. Ломоносов как перелagатель был очень корректен по отношению к оригиналу, любопытны лишь некоторые элегические, автобиографические нотки, которые он привнес в свое переложение. Ср., например, получившееся у него своего рода стихотворение в стихотворении:

*О Боже, что есть человек?
Что Ты ему себя являешь,
И так его Ты почитаешь,
Которого толь краток век.*

*Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.*

Но Луцевич, шаг за шагом разбирая тексты этих произведений, недоумевает по поводу того, что все три перелagателя проходят мимо темы, столь любимой авторами Древней Руси — молитвы, и заменяют тему блаженства праведника на тему счастья или даже своего рода благоденствия-богатства, тем самым сужая, значительно упрощая содержание оригинала. Ср. соответствующий стих псалма и его переложение у Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского:

*15. Ублажиша люди, имже сия суть.
Блажени людие, имже Господь Бог их.*

*(На русском языке:
15. Блажен народ, у которого это есть.
Блажен народ, у которого Господь есть Бог.)*

*Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым Вышний Сам покров.*
(Ломоносов)

*Благополучны вы народы,
Имуци таковую часть;
Послушны вам земля и воды,
Над всем, что зрите, ваша власть:
Но кто живет по Творчей воле,
Еще стократно счастлив боле.*
(Сумароков)

*О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тот народ блажен,
Бог с которым пребывает;*

*И Всеучного кой знает,
Сей есть все преукрашен.*
(Тредиаковский)

А между тем, нельзя пренебрегать тем, что для духовной поэзии важна **«не только форма, но и содержание** церковного искусства, которое призвано быть строго каноническим и в этом смысле право славящим, то есть православным»¹⁰.

Урок, заданный Тредиаковским себе и двум своим собратям по перу, оказался востребованным, прежде всего для него самого: «Что более в Псалтирь начал я вникать (по случаю СХLIII Псалма, прежде всех других и особенного переложенного при некоем любопытствии); то сильная отчасу стал быть поражаем великолепием Ее слова, и чувствовать Величие изображаемых всюду в ней вещей. <...> Итак, пламень горящий к Псалмам во внутренности моей, почел я за некоторое тайное мне побуждение к сему переложению делу, а почтеша так, и преложил, при Божиим поспешествованием, все Псалмы Лирическим стихом...»¹¹

Едва ли не большее влияние имело это малое поэтическое упражнение на Ломоносова — на его представления о языке и стиле рождающейся русской литературы. По наблюдению Ф.Н. Луцевич, отныне Ломоносов как в своих поэтических опытах, так и в научных филологических работах (как, например, в «Предисловии о пользе книг церковных на русском языке») уже вполне осознанно опирается на церковнославянский язык, «очевидно, что самая лингвистическая проблема взаимодействия церковнославянского и русского языка вызревала не без влияния художественного опыта переложения псалмов»¹². М.В. Ломоносов впоследствии создал еще несколько парафраз из Псалтири. И, возможно, самую высокую оценку этому дал не кто иной, как А.С. Пушкин: «Слог его [Ломоносова], ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оногo с языком простонародным. Вот почему переложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии Священных книг суть его лучше произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему...»¹³

¹⁰ Никитин В. Духовная традиция и культурная преемственность, или Благая весть в русской поэзии // Русский Журнал, апрель 2002: <http://religion.russ.ru/culture/20020427-nikitin.html>.

¹¹ Цит. по: Романов Б. Псалмопевец Давид... С. 22.

¹² Луцевич Л.Ф. Псалтирь в русской поэзии... С. 234.

¹³ Пушкин А.С. О предисловии г-на Ломоносова к переводу басен И.А. Крылова // Пушкин А.С. Мысли о литературе. М., 1988. С. 60.

2

Философствующий, деятельный и блистательный XVIII век провозгласил идею человека-гражданина, идею служения и ответственности за судьбу Отечества всех его сынов начиная от монарха и кончая последним солдатиком. Один из таких «служивых» людей, «душу свою отдававший за други своя» на всяком поприще, на котором ему доводилось пребывать, Гавриил Романович Державин, актуализировал в традиции творческого восприятия псалмов тему, по сути своей перекидывающую мостик от времен пророка Аввакума к поэтам-декабристам. В 1787 он написал «Оду. Извлечение из псалма 81», позже названную им «Властителям и судиям».

На уроках по творчеству Державина при работе с одой «Властителям и судиям» нам представляется важным обратиться к тексту самого псалма 81. Внимательное сопоставление стихотворения с текстом оригинала позволит ученикам сделать самостоятельные выводы как об идее стихотворения Державина, так и о том, как его произведение развивает старейшую тему праведного/неправедного судейства. В начале приводится текст, с которым имел дело Державин: церковнославянский, потом текст переложения, а затем, для удобства понимания и сопоставления этих двух текстов, — Синодальный перевод псалма на русский язык.

Псалом Асафу, 81	Властителям и судиям	Псалом 81
1. Бог ста в сонме богов, посреде же боги разсудит. 2. Доколе судите неправду, и лица грешников приемлете?	Восстал Всевышний Бог, да судит Земных богов во сонме их; Доколе, рек, доколь вам будет Щадить неправедных и злых?	1. Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд: 2. доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым?
3. Судите сиеру и убогу, смиреена и нища оправдайте.	Ваш долг есть: сохранять законы, На лица сильных не взирать, Без помощи, без обороны Сирот и вдов не оставлять.	3. Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость;
4. Измиете нища и убога, из руки грешничи избавите его.	Ваш долг: спасать от бед невинных, Несчастливым подать покров; От сильных защищать бессильных, Исторгнуть бедных из оков.	4. избавляйте бедного и нищего; исторгайте его из руки нечестивых.

5. Не познаеша, нижее уразумеша, во тьме ходят: да подвижатся вся основания земли.	Не внемлют! видят — и не знают! Покрыты мздой очеса: Злодействы землю потрясают, Неправда зыблет небеса.	5. Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются.
6. Аз рех: боези естее, и сыенове Вышняго все.	Цари! Я мнил, вы боги властны, Никто над вами не судья, Но вы, как я подобно, страстны, И так же смертны, как и я.	6. Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы;
7. Вы же яко человецы умираете, и яко един от князей паедете.	И вы подобно так падете, Как с древ увядший лист падет! И вы подобно так умрете, Как ваш последний раб умрет!	7. но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей.
8. Воскресние, Боже, судие земли: яко Ты наследииши во всех языцех.	Воскресни, Боже! Боже правых! И их молению внемли: Приди, суди, карай лукавых, И будь един царем земли!	8. Восстань, Боже, суди землю, ибо Ты наследуешь все народы.

Приведем также и церковное толкование интересующего нас псалма архиепископом Иринеем: «Сей псалом содержит увещание к судиям, дабы праведно судили. Но чтоб увещание могло иметь больше силы, вводится сам Бог, высочайший Судия, претящий казнию низшим судиям, ежели они неправедно судить будут»¹⁴. Главная идея псалма и была воплощена Державиным в его оде.

Наш анализ стихотворения начнем с формального наблюдения. Следуя традиции, заложенной еще Ломоносовым, Державин перекладывает каждый стих псалма отдельным четверостишием правильным четырехстопным ямбом, нигде не отступая от высокого стиля. В качестве комментария к нашим наблюдениям хочется упомянуть об одном из эпизодов биографии поэта: «Ода “На взятие Измаила” принесла Державину новый огромный успех. Екатерина II пожаловала ему табакерку, осыпанную бриллиантами, и сказала: “Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна”.

В старости Державин говорил, что лира стала ему тяжела и что пришла пора приняться за цевницу (свирель). Цевница более или менее со-

¹⁴ Толковая псалтирь архиепископа Иринья. М., 1991. С. 46. Заметим также, что накануне Пасхи в Великую Субботу на Страстной седмице, перед тем, как черные одежды священников меняются на белые, хор поет особо торжественное песнопение, составленное из стихов этого псалма, — «Воскресни, Боже».

ответствовала низкому стилю и жанру, лира — среднему, труба — высокому. Императрица выразила мысль о том, что Державин оказался замечательным поэтом не только в среднем стиле и средних жанрах (так она, значит, воспринимала оды-элегии и оды-сатиры, и была права), но и в высоком стиле и высоких жанрах торжественной и, возможно, философской оды»¹⁵.

Но посмотрим, как автор осмысливает содержание оригинала. Смысловая емкость псалмов так потрясающе велика, что никакому поэтическому языку Нового времени она не под силу. И первая же державинская строфа убеждает нас в этом. Традиция уподобления правителей и сильных мира сего богам («Бог ста в сонме богов») родилась, как мы имеем возможность убедиться, не с эпохой европейски просвещенных монархов, но язык Псалтири таков, что допускает пропуск в стихе и союза «как», и первого звена сравнения (по-русски мы бы сказали: «Бог стал среди властителей, подобных богам»). Поэтому для конкретизации адресата своего гневного обличения Державин добавляет прилагательное: «земные боги». По этой же причине он переименовал название оды: уточнил, что метит не в царей (он не якобинец!¹⁶), а прежде всего в плохо исполняющих свои гражданские обязанности властителей — вельмож и судей. Итак, в этой оде он продолжает одну из самых своих любимых тем, ту же, что и в «Вельможе», «Праведном Судии», «Радости о правосудии». Поэт следует содержанию оригинала, но развивает идею не путем свободного ассоциативного перехода от темы к теме (не в традиции поэтики Псалтири), а путем логически выверенной аргументированной ораторской речи. Поэтому он и объединяет два стиха в первом четверостишии: чтобы с первых строк прояснить тему оды, — поэтому он добавляет строки от себя во втором четверостишии, тем самым локализуя в пространстве и времени содержание упреков «земным богам»: в России, современной Державину, главной причиной злоупотреблений является нарушение законов и взяточничество. Для времен же псалмопевца, как это отмечает К.С. Льюис, несправедливо обижаемому сложно было не выиграть дело в суде, но пробиться на суд, просто подать жалобу. «Почти всегда и везде “маленькому человеку” было очень трудно подать иск. Надо было подкупить судью и еще человек двух, преграждавших к нему путь. <...> Не нам удивляться, что псалмопевцы и пророки непрестанно просят суда, и весть о нем для них — благая весть. Еще бы!

Ведь только тогда добьется правды неисчислимое множество несправедливо обиженных людей. Конечно, они суда не боятся. Они знают, что дело их — правое. Но кто их выслушает, пока не придет Бог?»¹⁷

Сравнивая текст псалма и четвертую строфу оды Державина, мы видим, что поэт предпочитает исторически конкретные обвинения, нежели указание на нравственно-духовное состояние души творящих неправду: мзда, то есть взятки, поборы, закрывает глаза властителям, и они «имея глаза не видят»¹⁸. Знаменательно, что в данном случае поэт, подобно всем христианам, прочитывает ветхозаветный текст через призму новозаветных истин. Подчеркнем, что это вполне естественно для христианина: когда он объясняет ветхозаветный текст цитатами или аллюзиями из Нового Завета. С подобным приемом мы встретимся едва ли не в каждом втором переложении псалма. Так что скорее «минус-прием» — полное отсутствие таких аллюзий — должно удивить исследователя, ибо оно может являться либо следствием собственно «историко-этнографической» задачи переложителя (как, например, для Л.А. Мея или С.С. Аверинцева) или же отсутствием у него всякого опыта церковной жизни.

Но возвратимся к нашему сопоставительному анализу. Третью и четвертую строки четвертой строфы («Злодействы землю потрясают, неправда зыблет небеса») так и хочется признать вставкой Державина: настолько грандиозен и впечатляющ образ, здесь возникающий, — «державинский» образ. А между тем они следуют 5-му стиху псалма, в котором есть тот же гиперболизированный параллелизм происходящего в мире людей миру природы, который выявляет истину о том, что законы нравственности суть законы столь же непреложные, как и законы природы.

Следующую мысль Державин развивает в двух четверостишиях. Поэт противопоставляет то состояние, в котором призваны находиться властители, впрочем, как и вообще каждый человек («По Божию дару вы сыновья Всевышнего и ангелам подобны», — говорит толкователь псалма¹⁹), тому состоянию, в котором они находятся по своему свойству и склонностям («Яко прочии человеци есте, то есть, смертные и порокам порабощенные, и потому, якоже и вси, подобным образом падаете; но падение ваше тем опаснее, чем более то возвышение, на котором поставлены» (там же)). Державин подчеркивает эту

¹⁵ Бавеский В.С. История русской поэзии 1730-1980. Смоленск, 1994. С. 40-41.

¹⁶ Думается, нет необходимости обременять читателя пересказом истории, в которую попал Державин из-за неверного прочтения императрицей этой оды.

¹⁷ Льюис К.С. Размышления о псалмах // Мир Библии. 1994. № 1 [2].

¹⁸ См., напр., Евангелие от Марка, гл. 4, ст. 12, впрочем, первоисточником является пророчество Исаии (Исаия гл. 6, ст. 9).

¹⁹ Толковая псалтирь архиепископа Иринее... С. 49.

мысль псалма, трижды начав строку с уподобления («и вы подобно...»). Причем во втором уподоблении он вновь добавляет аллюзию («И вы подобно так падете, как с древ увядший лист падет»), на сей раз — на текст Псалтири, на псалом 1, тем самым еще более драматизируя осознание контраста между «призванием» и «состоянием» обличаемых: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет» (цитируются стихи 1-3). Поэтому так естественно звучит в следующем четверостишии обращение: «Боже правых», ибо это противопоставление («правый — лукавый», «ходящий прямым путем

и — кривым») было уже актуализировано в предыдущих строфах. И этой мольбой к Богу правых, к грядущему Спасителю людей и Победителю лукавого (дьявола) заканчивается одна из пламеннейших од Державина. Ода, которую так любил декламировать на литературных чтениях автор «Бесов» — Ф.М. Достоевский²⁰.

Исследователи называют Державина одним из самых христианских писателей русской литературы. В заключение хочется привести еще один интересный факт литературной биографии Державина: «первым произведением русской поэзии, имевшим громкую международную известность, стала философская ода “Бог”. Пятнадцать раз она была переведена на французский язык, восемь — на немецкий, сверх того на английский, латынь, греческий, чешский, польский, итальянский, испанский, японский языки»²¹.

²⁰ См.: Орлов П.А. История русской литературы XVIII века: Учебник для студентов университетов. М., 1991. С. 182.

²¹ Баяевский В.С. История русской поэзии... С. 41.